Максим Митин

СТАНЦИЯ БЕЛАЯ СОСНА

Максим Митин

Станцию Белая Сосна

«Автор»
2026

Митин М.

Станцию Белая Сосна / М. Митин — «Автор», 2026

В посёлке Белая Сосна двенадцать жителей. Когда радист Игорь Ветров садится с ними за стол, ему никак не удаётся понять, кто здесь лишний. Ночью из леса голосом пропавшего монтажника зовут сразу с трёх сторон. Под утро парень возвращается сам. До первого зимника ещё далеко, а кто-то в эфире уже перечисляет приезжих по именам.

© Митин М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чёрный лёд 5
Глава 2. Частота 4625 12
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Максим Митин
Станцию Белая Сосна

Глава 1. Чёрный лёд

В трёх километрах от Белой Сосны Степан продал Игорю половину карандаша. Взял рубль. Пересчитал сдачу с десятки на мокром капоте: пятёрку, двушку и ещё одну двушку. На деньги у него ушло больше времени, чем на всё объяснение.

— Дарить нельзя. Посинюха-то моя последняя.

— Я верну.

— А вот этого не обещай. Люди ничего не умеют возвращать. Верни мне теперь половину, если я его уже пополам сломал.

Карандаш прежде был толстый, для бычьих бирок. Раскололся вдоль, и Степан обмотал оба обломка пластырем. Писал он по чему угодно. Игорю понадобилось отметить, докуда вода дошла на старой свае. Свая стояла у самого съезда с гати, поперечины под колёсами ходили вверх и вниз. Степан отправил его посмотреть, идёт река на прибыль или на убыль, а глядя просто на воду, можно было состариться и ничего про неё не понять.

Игорь нагнулся из-под веток, чиркнул. Черта сразу налилась фиолетовым. От дождя с носа капнуло точно на неё. Капля встала горбиком и затвердела.

— Сколько ждём?

— Сколько чай пьётся.

Денис пил чай из крышки термоса и просматривал запись на телефоне. За весь день в резкости вышло только одно: как Степан торговал карандашом. Монтажник спросил, можно ли потом выложить.

— Меня вырежи.

— Да вы там хороши, Игорь Андреич. Такой взрослый человек, а как будто вас цыгане на вокзале взяли.

— Вот и вырежи.

— А меня пущай оставит, — сказал Степан, залезая в кабину. — Я с утра брился. Чего зазря добро пропадёт.

Он устроился за рулём, подбородком расправил ворот потёртого полушубка. Папироса, которую с утра так и не закурил, присохла к губе. Когда отдирал, нижняя губа потянулась следом. Игорь физически почувствовал, как это больно. В темноте, выехав из Архангельска, они ещё разговаривали на «вы» и передавали друг другу сахар голыми руками. Теперь знали друг про друга, у кого на ноге опрелость, кто пукает от сгущённого молока и у кого бывшая жена звонит каждое утро ровно в половине девятого.

Вообще-то звонила дочь. Ей было девять. По будням в половине девятого она входила в школьную раздевалку. Пока сторожиха отмыкала их класс, Вера успевала доложить, кого сегодня отправили за сменкой и что дали с собой на обед. Свой интерес к этим подробностям Игорь прежде сильно недооценивал. По субботам Вера вставала в десять и произносила сначала нечто малоутешительное насчёт его голосовых сообщений, которые по обыкновению пропускала, а уже затем, слегка проснувшись, тоже рассказывала, кого отправили за сменкой, но вчера.

Сегодня, в среду, он послушал последнее сообщение в половине девятого сам. Сети уже не было. Вера спрашивала, может ли она на субботу позвать его к себе починить кукольный дом. Там свет перестал гореть в крохотной комнатке, где спала голая пластмассовая гражданка.

Лампочка в домике была на батарейке. Где лежат запасные, он записал Вере с вечера. Теперь в телефоне под сообщением стояла одна серая галочка.

По понедельникам банк снимал с общего счёта платёж за квартиру. Квартира в соглашении о разводе досталась жене, график платежей остался на двоих. Три недели в Белой Сосне закрывали два месяца. За дни ожидания дороги тоже обещали платить. «До Нового года вернёшься», — заверил начальник. Игорь подписал.

— Отошла, — сказал Денис.

Внизу у сваи показалась синяя черта. Вода опустилась на палец и чуть не доходила до неё. Игорь снова нагнулся, ткнул карандашом ниже. На первом следе его собственная капля уже застыла, сухо щёлкнула под ногтем. По воде шла мелкая шуга, каждое зёрнышко отдельно, а не слепленной кашей, точно её сыпали сверху в чёрное деревянное корыто.

Степан поймал на рукав дождевую каплю. Она скатилась по меху ледяным шариком.

— Пойдём. У нижнего проезда уже сосульки на траве. Если час прозеваем, обратно придётся ехать. Расчехляйся, кино.

Денис убрал телефон и пошёл справа от машины, глядя, не поползли ли крайние брёвна. «Трэкол» присаживался в воду брюхатой птицей. Серые чемоданы с приборами съехали к Игорю на ногу.

Лес стоял по обеим сторонам дороги в воде. Поздней осенью тут давно следовало холодной земле схватиться, а под прозрачным первым слоем ещё бултыхалась оттаявшая болотная ржа. Где машина толкала перед собой блестящую ломкую корку, эта ржа всплывала тёмными разводами. Издали всё было ровного, угольного цвета. Потом из угля проступали, как из проявителя, сухой комель сосны, прижавшиеся к нему две головы гнилых пней, белая узкая полоска бересты. На высоте человеческих рук от стволов кое-где свисали обрывки старой изоленты. Зимой тут ходили другой дорогой. Большая вода принимала под колёса почти весь путь, и лишь последний отрезок у самого посёлка приходилось брать с берега наверх. На карте, отпечатанной для районной машины, до райцентра было сто восемьдесят километров. Тонкая пунктирная линия от руки к карте не прилагалась. Степан возил её в голове.

На очередной колдобине арматура под приборной панелью задребезжала, Денис за стеклом развёл руки, и машина остановилась. На выходе из лужи стояла узкая болотная сосна, поваленная на высоте примерно Игорева пояса. Ствол никто не валил; под корнями ушла земля. Теперь сосна висела поперёк проезда, низкие ветки её купались в придорожной воде и уже успели одеться стеклянными пальчиками. Под сосной было не проехать. Пока Денис доставал пилу, с дальнего берега Пинеги донеслось мычание. Корова стояла очень далеко, за невидимой рекой. Вторая отозвалась следом, чуть ниже. И только когда за второй так же точно на той же ноте потянула третья, Игорь сообразил, что это железо. Ветер дул в полые концы брошенных на берегу труб. Он дождался, пока ветер переменится. Трубы смолкли.

Степан убрал с проезда последнее полено. Теперь только и увидел Игорь, что под ветвями на пятачке белого крупчатого снега отпечатался ботинок. Только носок, квадратиками вафля, на наружном краю не хватало двух клеточек. Повернут в их сторону. Хорошо было видно, как человек перенёс вес вперёд и вдавил ногой ещё не смёрзшуюся листву. Вокруг оставалась вода, по воде бежали льдинки.

— Тут ходят?

Денис оглянулся на свою подошву. У него шли ёлочки. У Степана испод валенка обшит был резиной от старой камеры, почти гладкой.

— Ходили, — сказал Степан. — До нас столько народу жило, ни одного чистого места не осталось. Поехали.

Борт машины подмял край островка. К тому времени, как они поравнялись с ним окном, вода дотронулась до отпечатка и тёмные вафельные клетки исчезли разом, будто дверь закрыли. Игорь вспомнил, что второго следа не видел. Другая нога могла стоять в воде.

Верхние дома Белой Сосны встретились не сразу. Сперва вокруг проезда расступились стволы и за поворотом показался пустой, ни к чему не прикреплённый крюк мостового крана. Значит, мыс. Степан махнул вправо. Там до самого обрыва тянулись четыре рельса, из-под которых смыло грунт; края висели в воздухе. На обломке бетонной плиты возле крюка белели выцветшие буквы «Работа под». Остальное отвесило от себя край и вместе с арматурой, поржавевшим штырём и малинником давно улетело в реку. Денис схватил телефон.

— Не вздумай встать под надписью, — сказал Игорь.

— Под «работой» нельзя. Я сбоку «под» встану. Для мировой славы это небольшая разница.

Он не стал снимать. Из нагрудного кармана, застряв в молнии, торчала бумажная салфетка, аккуратно сложенная вчетверо. Денис вынул её, расправил. В ней лежали четыре кубика сахара — себе, водителю, начальнику и ещё кому-то на станции, кому как раз попадётся пустой чай. Выбрал два, сунул за щёку.

Сверху меж редких сосен донёсся мерный тонкий звон, совсем другой, чем тот длинный гул над водой. Хвост флюгера задевал при повороте отвисшую проволоку. Мачта старой радиорелейки стояла дальше, у самого обрыва. Верхушка пряталась в сером, на нижних растяжках пухла ледяная муфта.

Женщина в чёрных мужских брюках стояла на коленях у самых ворот станции и пилила ножовкой замёрзшее кольцо навесного замка. Ей неудобно было взять левее, и ножовка два раза царапнула свежеокрашенную стойку.

— Греть бы надо, — сказал Денис.

— Грели, — не поднимая лица, ответила женщина. — Закрывать надо было петлёй к стене. Ещё в сентябре. А теперь пилить.

Волосы у неё были убраны под шерстяной колпак с оторванной кромкой. Между крагами и рукавами чернели узкие полоски обветренной кожи. Она дышала на пальцы, глядела, на рыжую краску на большом пальце, и опять бралась за ножовку. Игорь подошёл сбоку, присел на корточки. Высоко над её руками на обвязке ворот болталась совсем новая цепь. Под глухим дождём она без конца отдавала свет. Замок, по виду годов семидесятых, совсем не обязательно было пилить: если чуть поднять створку за дальний край, выпадал согнутый гвоздь, и сверху вынимался бы весь железный язык.

— Пробовали снять с петель?

— Левые, — сказала она.

Он с готовностью повернулся к левым петлям.

— Варежки ваши левые. Обе. Не мои петли.

На руках у Игоря, как назло, действительно оказались две левые верхонки. Правой рукой он надевал их кое-как и только сейчас разглядел, что торчащий наружу палец — мизинец, а большому приходится довольствоваться общим отделением. Степан в машине швырнул первую попавшуюся пару. У женщины вздрогнула губа. Над одним зубом разошлась старая трещинка.

— Я не посторонний, — сказал он. — Мы по направлению. Ветров.

— Да вы хоть епископ. Ворота на себя подымите. Подхвачу.

Они подхватили и сняли всю задвижку. Вездеход прошёл во двор. Мокрая женщина без куртки, в тонком шерстяном свитере и стёганых штанах, несла задвижку по двору как противень из духовки. Монтажник потянулся к ней с телефоном, заряженным для первого кадра на станции, и неожиданно получил в свободную руку брусок мокрого железа. Секунду не знал, куда его девать, пока хозяйка устраивала у двери сухие дрова поперёк настила.

— Ребята, проезжайте к стене, пока колею не взяло, — сказала она. — А то её и будете до весны обкатывать. И кому надо пописать, справо нельзя, там осадкомер.

Голос он узнал. По осени Волкова выходила на общее совещание с мокрыми, прилипшими к щекам волосами. Тогда и виделись — на маленьком экране, восемь человек в ряд.

— Игорь, — сказал он уже по-человечески. — Это Степан. Денис.

— Ксения. На вышку сегодня уже нельзя. Во второй половине дня обледенение. К нижней площадке и то ногой не пристанешь. В журнале отметите прибытие, я вынесу.

— Да мы не рвёмся, — поспешил Денис. — На входе у вас, конечно, великолепный сервис. А где у вас приёмная сторона теплее?

— Такая же самая. Только сухо. Сумки ставьте повыше.

Она повела их к торцу. На снегу вдоль стены были проложены доски, поднятые над водой на двух кирпичах; последние три под ногой качались. Возле крыльца серая схема эвакуации показывала зелёным стрелками оба выхода, и на обоих была изображена деревянная лестница. В действительности вторая дверь, наверху, смотрела в сад и никакой лестницы под ней не было — крайние три балясины торчали из снега внизу, точно их посеяли прямо там предшественники нынешней хозяйки.

— Сад от чего? — спросил Денис, подставляя воротник поднявшемуся ветру. — Тут же даже яблоньки нет.

— Иван-чай. Насыпная земля под цветник. В июле бывает человеку выше плеча. По тому, где летом ходишь между стеблей, зимой и сад.

Она сбросила сапоги. Резина прилипала к носкам, стаскивать пришлось дважды, с маленькими тугими хлопками. Оставшись в носках, Ксения сразу стала ниже, и из трёх приезжих одной ей надо было привстать на цыпочки, чтобы завести крючок на внутренней двери.

В сенях пахло соляркой и мокрым мехом. На подоконнике сохла разделанная треска. Под ней лежала старая газета с разгаданным до половины кроссвордом; от соли на пустых клеточках выступила корочка. Денис заторопился снимать берцы и застучал по половице, сперва легонько, потом посильнее. Звякнуло.

— На деньги? — спросил Степан.

— Песок из каблука. Из носка у меня монеты с лета. На десятку наверху поднимешься, за десятку распишешься, а останется в носке сорок копеек.

Он вытащил из ботинка круглый рубль и постучал им по стеклу на двери — два коротких удара, помедлил, ещё один. Из-за запотевшего стекла никто не появился.

— Кассир, — пояснил Денис. — Мы малые когда были, пиджак отцовский на дверь вешали. Кассир сидит. Подходишь, стучишь, дают сдачу. Мы со старшим братом хитро жили: кассир всегда в минусе.

Игорь повесил свою куртку на средний крючок. Ксения взяла её молча и перевесила на стенку напротив. На первом крючке уже висел Степанов полушубок, пристроенный поверх вывернутой мехом наружу старой дохлы. Между ними и короткой курточкой Дениса, которую тот прибил на гвоздь сбоку, остался свободный крюк с белёсым пятном на кончике. Пустой. Ни плаща на нём, ни висевшего прежде полотенца, которое можно было бы нечаянно снять. На стене под ним ровный тёмный прямоугольник. Сюда много лет подряд вешали что-то впитывающее воду и всегда одной длины.

За дверью потянуло теплом. У лестницы стояли деревянные ящики: «Для АКБ», «Бельё», «Паразиты». На последнем висела записка от руки «паразитов унесла к себе».

— Орнитологи, — сказала Ксения, проследив, куда смотрит Игорь. — Я с птицами работаю. Ночью гнездо снимала. Куртка четыре дня потом висела на улице, и всё равно лосиная муха из капюшона вылезла, когда я наклонилась за солью. А сама соль мне уже поперёк горла.

— Давно одна?

— С сентября. По основной работе пока стою на метео. Можете называть меня не начальница. Соскучилась.

Здесь у стены попадались четыре двери. Дизельная, кухня, справа дальше склад — до недавних пор сушилка. Последняя дверь с подписью «Ю. П.». Отсюда деревянная лестница вела уже на второй этаж. В коридоре второго этажа мутнели четыре квадратных окна. За крайним из них поднималась мачта флюгера. Игорь поставил свои серые ящики у стойки. Ксения за собой закрыла на защёлку нижнюю дверь, выходившую на крыльцо. Получалось, из-под схемы «пути отхода» отступать особенно некуда. Над чёрным пятном входной кнопки висела проводная радиоточка, пластмасса вокруг круглой сетки набрякла пузырями. От радиоточки скрученными ногами бежали по стене две жилы и исчезали наверху.

В журнале прибытия Игорь написал число, девятнадцатое ноября, одну фамилию, вторую, третью. Попросили собственноручно расписаться напротив каждой. Денис, расписываясь, высунул кончик языка. Рука у парня была крепкая, с густыми светлыми волосками на костяшках, и странно было смотреть, как из-под такой руки выходит круглая, старательная Д с двумя тонкими ножками. Степан фамилию выводил маленькими печатными. Ксения застывшим ногтем поправила страницу.

— Час прибытия. Не сейчас. Когда створки сняли.

Игорь полез в телефон. Глядя на выключенную антенну в верхнем углу, он впервые с утра вспомнил, что начальник от него ждёт сообщения. Задержись они на полдня, никому до Белой Сосны из Архангельска было бы не докричаться.

— Тринадцать двенадцать. Вот тут мы стояли у ворот. Фотография всё-таки есть.

Между воротиной и Ксениным плечом было видно переправу. Степан заслонил ладонью экран от света.

— Отпиши, что доехали, — сказал он Ксении. — И Михе на затон, что мы на месте. Посадка на ту сторону отменяется. С северного бы снять лодку часов до трёх, пока кран дотянется, а то до мая она там останется.

На спутниковом телефоне, стоявшем в жестяной хлебнице у ближнего окна кухни, разговаривали стоя. Шнур к внешней антенне дотягивался ровно до края столешницы. Чтобы добраться до телефона, надо было прижать ногу к промёрзшему железному боку. Игорь завёл правило давно: выйдя на чужую связь, начни с того, где находишься. Мало ли на каком слове тебя оборвёт. Он начал с координаты, сказал, что все трое добрались, состояние оборудования проверит утром, и начальник спросил своим обыкновенным, не командировочным голосом:

— Ты Волковой, пожалуйста, распишись за осень. Она там наездом держит. Сколько дней у неё по факту, столько ставь. А то получается, круглые сутки с сентября, человеку с речки даже за хлебом сойти нельзя.

— Я только сегодня приехал. Мне перед кем расписаться, что она делала в октябре?

— Понял. Не надо, если так. Пусть свой журнал приложит. В остальном всё хорошо? Завтра так же в это время. Только коротко, не надо мне про каждую галку в рапорте.

Счётчик успел взять с них сорок семь секунд. Игорь провёл по коробу керамического умывальника пальцем и остался с рыжим следом на коже, точно коснулся сырой ржавчины. Волкова приняла телефон, подняла крышку хлебницы на старой мягкой петле и прикрыла.

— Не каждый зимовщик, выходит, по району наездом. Присмотришься, так иной приехал и уехать не может, — сказала она. — Вам где стелить? Задняя комната на троих, или две по одному и один человек в кухне? Я, когда народ приезжает, по желанию размещаю.

— Я умею дрова не проспать, — сказал Степан. — Кладите в кухне. А чего у вас вон там под окном поставлено, долго мне будет покойника напоминать?

В углу, между подоконником и приоткрытой дверцей дровяного шкафа, стояла узкая розовая крышка. Обёрнутая клеёнкой, обитая по краям тесёмкой, она действительно смахивала на плохо рассчитанную, давно усохшую крышку детского гробика. На двух гвоздиках в центре чернели тугие петли для рук.

— Это волокуша, — ответила Ксения. — Под окном задувает. Поверну. Вы, Степан, сразу говорите, что вам не нравится. Я одна привыкла, у меня и половник ходит самостоятельно. Денис, если ещё раз за стол сядете с монетой в зубах, я вам её сама в чай положу. Только постепенно привыкайте. Сразу меня слушаться тяжело.

Они перебрались наверх. Наверху ему отвели комнату справа. За окном коридора серебрился старый индикатор ветра. От его хвоста до стекла было довольно далеко, трогать стекло он ни при какой погоде не мог. Игорь сам не понял, зачем прикинул это расстояние. За день голова искала работу по своей части, ей хотелось воткнуть штекер в живое гнездо, услышать хоть дежурную, но правильную служебную болтовню. В комнате, куда ему постелили, сохранялся запах нагретой изоляции. На койке лежало овчинное одеяло. Подушка отдельно, в наволочке с цветком, на месте цветка была нашита заплатка, на ней тот же цветок повторялся, только вверх ногами. Кто-то нашёл ткань от той же пары.

К вечеру внизу закипела вода в двух эмалированных кастрюлях. Треску Ксения бросила отдельно от картошки и сперва вынесла варёную рыбу на холод, разобрала быстро на щепки, косточки выложила в плоскую жестянку. Денис держал жестянку и успевал считать: семь костей, восемь. Когда Ксения попросила подвинуть миску, сбился, начал сначала. Рыбы хватило на четыре тарелки. В глубоком столовом ящике лежали отмытые ложки ручками к стене, ровно пять. Ксения сложила лишнюю поверх жестянки с костями и унесла в холодные сени. При этом она не брякнула ложкой о металл, положила её тихо. Дело человеческой ловкости. Но почему-то именно этот сдержанный в самом последнем движении звук запомнился Игорю.

В половине шестого включился по расписанию второй сеанс. Из затона коротко сказали:

— Подняли. Руковицы Юркины оставили на гвозде. И ещё, Ксюш, ты отметь, у нас понесло мелочь под берегом, у северной косы прихватило. Я завтра туда уже не пойду. Встретимся на колёсах.

— Хорошо. Ты жене передай, что шерсть дошла. Синей в пакете нет.

— И не было её. Она серую положила сверху, чтобы Агафья не выдумывала. Ты ей скажи, у нас синих овец не держат.

Ксения отпустила кнопку. С противоположного берега передали последнее, чего ждал Степан. Поперёк старой гати вода уже пошла поверх брёвен, на дальнем конце их сдвинуло. Лодку успели вытащить на берег. Между мысом и затоном ещё в обед была чёрная полоса воды, теперь и она затянулась. Вездеходчикам на той стороне предстояло дождаться зимника. Степан записал в путевой лист время закрытия переправы и подсунул лист под клеёнку на кухонном столе.

Степан зажёг папиросу на крыльце. Затянулся один раз. Остаток затушил, завернул в бумагу и спрятал в дровницу у крыльца.

— Хозяину оставляете? — спросил Денис.

— Самому себе на утро. Хозяину такого сам не пожелаешь.

Ночью Игорь проснулся оттого, что на правое ухо давил собственный кулак. Он положил его под голову, когда пытался согреть затылок, и проспал так с полтора часа. По времени в телефоне было всего одиннадцать. Вниз по лестнице три раза пробежала чья-то лёгкая босая нога, но сразу приблизилось и другое объяснение: капля в углу у обшивки стукнула по подоконнику, с подоконника о железный лист и оттуда на линолеум. Три разных ноты. Во рту было так, будто он лизнул девятивольтовую батарейку. Поел солёной рыбы, забыл напиться.

Он встал, открыл дверь в коридор. За коридорным стеклом, мутным от старости и ещё от его дыхания, не видно было даже флюгера. На секунду в нём отразился экран телефона. Потом Игорь убрал телефон в карман. По лестнице на ощупь тянуло морозом.

Внизу, на кухне, Степан во сне чего-то попросил и сам себе ответил. Из комнаты слева доносился ровный храп Дениса. Игорь ступил босой ногой на сырую половицу. Второй этаж ответил ему еле слышным хрустом.

В коридорное окно постучали. Два коротких удара и ещё один, с пропуском. Так Денис днём монетой по кухонному стеклу стучал, в кассира играл. Только теперь звук пришёл со двора. Стекло глушило удар. Когда-то жена, возвращаясь с вечерней смены, так же тихо стучала ему ключом. Ей с улицы казалось, что весь дом сейчас разбудит.

Игорь положил ладонь на внутреннюю раму. Между двумя рамами стояли коробок спичек и стакан с крупной солью от сырости. По тесному простенку шёл тёмный потёк замазки. Игорь наклонился к стеклу. От дыхания выступило молочное пятно величиной с блюдце. Он выпрямился. Пятно на внутренней раме быстро отступало к краям, растаяло, за ним проступила чёрная речная ночь. Пить расхотелось. Он сосчитал до десяти и уже повернулся, когда в окно постучали снова.

На этот раз один удар. Под стаканом с солью хрустнула крупинка. Медленно, от одного края до другого, на внешнем стекле стало проступать маленькое круглое пятно. Кто-то снаружи дышал на окно второго этажа.

Глава 2. Частота 4625

Прежде всего Игорь отступил от окна. Хотелось увидеть пятно снизу, на просвет, а он сам себе загораживал фонарь, который горел в конце коридора у лестницы. Снизу пятно выглядело совсем иначе. Свет ложился на него вкось, и казалось, что кто-то приклеил к стеклу тонкий ломоть белого хлеба, а потом, отрывая, оставил на замазке крошки. Игорь провёл ногтем по ближнему стеклу. Ноготь проехал с чистым высоким писком. На пятне ничего не изменилось. Тогда он согнул указательный палец и постучал в ответ.

За стеной перестали храпеть.

— Игорь Андреич, — сказал Денис, — можно я вас всё-таки попрошу у светлого человечества прощения? Я только что лёг.

— Это ты стучал?

— Кому я должен стучать, лёжа под овцой? Заходите, разбудили всё равно.

У овчинного одеяла не хватало одного угла, и Денис сунул в прореху свёрнутую шапку. По потолку ходил серый свет от его телефона. Парень просматривал дневную запись, ту самую, с карандашом. На экране Игорь оттопыривал нижнюю губу, пытаясь изобразить, что покупка старого карандаша входит в обычный круг его занятий. Без звука это получалось хуже. Хотелось взять за подбородок и вправить человеку губу на место.

— Ты только что спал.

— Лежал. Мне в ухо дует. Когда долго лежу на правом боку, я храплю ещё до сна. Девка одна была у меня, не могла этого понять. Оскорблялась, поскольку рассказывает мне самое дорогое, а я уж храплю. Я повторил ей слово в слово, что она сказала. Оскорбилась намного сильнее. А вы чего бледный?

Игорь понюхал воздух. Под подоконником тянуло тёплой штукатуркой. На спинке стула Денис сушил носок. Может, и через коридор шёл старый дымоход? Утром надо было посмотреть план этажа.

— У тебя рубль с собой?

Денис протянул руку в изголовье, порылся. Дал ему монету, тёплую, как собственное ухо.

— Вы уж простите, я с неё потом сдачу не наберу. У меня одни крупные остались, восемьдесят копеек враз.

— Рубль. Твой?

— Сапожный, ага. Внизу стучал. Видите, забоина? Я им на работе краску с отлива счищал. Ребро пополам.

На ребре действительно имелся неглубокий раздвоенный шрам. Когда монету катили по столу, она делала один неверный скачок и заворачивала из круга. Игорь вернул её хозяину и сказал, что ночью к вышке ни в коем случае не ходить. Денис на это уставился в стену широко и неподвижно, и стало ясно, что его обидела не столько начальственная дурь, сколько предположение, будто он может ходить по чужому обледенелому железу во тьме, как по тротуару к булочной.

— Доброй ночи, — сказал Игорь.

— Про карандаш я понял, — окликнул его Денис. — Ваша девочка увидит, подумает, что с папкой в лесу обошлись, как с сиротой на вокзале. Вырежу.

Игорь уже в дверях поблагодарил его.

В коридоре пятно уже пропало. Спички лежали под стеклом ровной поленницей внутри серой коробочки, щель в выдвинутом лотке была не шире ногтя. Из кухни по лестнице поднималась Ксения, в каждой руке по банке с горячей водой. На запястьях, повязанные, как у школьниц, резинками от волос, висели шерстяные рукава. Синие по локоть.

— Опять смотрите, — сказала она, шагая через половицу, на которой он только что слышал хруст.

— У вас сюда иногда стучат?

— Иногда. Подержите вот эту банку. Только за донышко берите, крышка неприятная.

Вода обдала ладонь через стекло мягким тяжёлым теплом. Холодные ногти сперва ничего не почувствовали. Он вцепился в банку крепче и сразу обжёгся. Пришлось обнять локтем.

— И кто?

— Когда знаешь, кто, он уже под крыльцом. Оттуда не спрашивают. Совы прошлой зимой садились. Редко. У полярки ходили по обшивке снегири, а потом мы нашли, что их оттуда тянет в раму за солью. Вы спать-то вообще собираетесь?

— Там на второй раме у стекла отпечаток. Конденсат. С наружной стороны или изнутри, я не разобрал. Здесь раньше труба шла?

Она поставила свою банку на пол, вынула из гвоздя над дверью ключ. Ногтем вытянула задвижку на внутренней раме. Соль в стакане была твёрдая, комом. Ксения поворошила её пальцем. Одна крупинка попала на подоконник, на выступ краски, и с сухим треском отскочила вниз. Вот тебе и стекло снаружи, подумал Игорь. Но сам только что однажды такой звук слышал, он был другой, тише.

— Подайте спички. Видите вон там деревянный язычок? Там много лет голубиная кормушка висела. Язычок остался. Под окном внизу крыша дровяника. Вы вечером от ворот не видели, он утоплен в косогор. На крышу попал, а дальше при таком ветре тёплый выдох из-под карниза идёт вдоль стены. Верхняя часть окна у меня почти всегда сухая, а нижняя потеет уже в ноябре. Можете завтра свой чайник поставить и своими глазами убедиться.

— А кто там ходит по дровянику?

— Завтра по следам посмотрите. Тут теперь снегу хватит на целую очередь.

Ксения закрыла внутреннюю раму и подперла шпингалет огрызком спички. Игорь подержал банку ещё немного, пока она не убедилась, что из щели больше не дует.

— Теперь отдайте воду. Идите спать.

— Вы ими постель греете? Банками?

— Себя грею. Одна к ногам, другая куда захочется. Человеческое тело, если в нём кто-нибудь живёт, вообще вещь тёплая. Но одни ступни включаются только по предварительной заявке.

В своём закутке он, прежде чем лечь, записал в заметках: «23.21. Стук. Темп как днём у Д. Влага на стекле. Проверить крышу». Он собирался ещё приписать про монету, но так и уснул с включённым телефоном.

Утром крышу дровяника они обнаружили под окном именно там, где её и следовало искать. Ксения отвела их к скосу за синим забором, где чёрный камешек угля можно было кинуть чуть не на конёк, не пригибаясь. На крыше остались птичьи следы. Одна прошла поперёк ската, вторая взлетела с наветренного края: на снегу остались в снегу отпечатки маховых перьев. Ксения сказала: у первой четыре пальца врозь, хвост чертит, сойка. У второй рисунок смазан. Ветер снёс снежную пудру, зато под пудрой лежала вчерашняя наледь. На ней ни человека, ни птицу не отличишь, хоть всю её в судебную лабораторию на санках повези. Около оконной рамы снег местами облупился и показалась ржавчина.

— Лунатика с молотком нету, — заключил Степан. — Можно получить в столовой компот.

Он стоял по колено в серой жиже, вокруг валенок приросли длинные стеклянные крылья льда. Он разом вынул из них обе ноги и подал Игорю руку, как при выходе из трамвая. К Денису не повернулся: тот сам вылез, упираясь в обшивку.

За завтраком Степан спросил, остался ли у лесопункта запас сухих сосновых обрезков и где теперь держат солярку. Топлива хватало ещё на несколько суток, но он предпочитал говорить об этом, пока в кухне горит свет.

— Заедем к Агафье, — сказала она. — Только после моей передачи, раньше не поеду. У меня сегодня с района сверка. Тот ящик, что Юра забрал, бухгалтерия с меня вторую осень удерживает. Не деньгами, что хуже, они мне им совесть выедают.

— Юра — это который ваш напарник? — спросил Денис.

— Юрий Павлович. Метеоролог. В сентябре уехал.

Сказала и сунула ложку в рот. На ложке оставалось пшено, которое она теперь довольно долго не могла проглотить. Игорь передал ей кружку с водой. Вопросы про Юру оставил до другого раза.

Вышка стояла на каменном горбу. Игорь не видел его под снегом, когда сперва выбирался к ней по настилу; казалось, наверх ведут обычные деревянные козлы. Но когда остановился, понял, что пятки у него ниже носков, правой рукой надо опираться о землю. Выше козел начинался искрошенный, с голубоватой полосой кварца камень. Из камня выступали четыре бетонных башмака. На каждом виднелись две даты: когда установили и когда последний раз смотрели крепление.

С южной стороны подымался прямой оцинкованный ствол лестницы. Льда с вечера наплело много, но за морозную ночь западный ветер изломал его и обчистил открытые части. Ветра почти не осталось. Небо выше верхней площадки было серое, волокнистое, с единственным голубым клочком просвета. Монтажник подошёл к первой секции, не дотрагиваясь, осмотрел её сверху донизу. У ведёрной ручки в траве на снегу обнаружился чёткий знак сорочьего хвоста. Ему хватило юмора сделать пальцами куриную лапу, но телефон он сразу выключил, убрал во внутренний карман.

— Там снаружи левый угол ещё в шубе. К нему не пойду, — сказал он. — А к нашему шкафу изнутри чисто. Кто меня слышит?

— Мы тебя слышим. Сначала повтори, что именно надо посмотреть. Если решишь при этом что-то починить, мне тут никакие фотографии не понадобятся.

Денис опустил голову, поправил замок на вороте. Под застёгнутым шлемом лицо его сделалось узким и деловым. Он перечислил, на каких площадках задержится и что даст Игорю понять, что дальше не пойдёт. Не пошутил. Замерзавшая молния на правом нагрудном кармане зацепляла шнур от камеры, и он переложил камеру в сумку.

Пока Денис был виден ниже первой площадки, казалось невозможным, что он пройдёт выше беззвучно. Металл мощно вздрагивал и отдавал в настил каждый ботинок. Выше первой площадки шаги перестали отдаваться в настиле. Денис на секунду заслонил голубое окошко между тучами.

Рация выдала тёплый голос, немного запыхавшийся:

— Номер второй. Вот как вы говорили, левый шкаф старый, краска с угла снята. Над дверью птичий помёт. Нет, не обижайтесь, профессионалы, это герметик. Такой же серый. Правая дверь в норме. На новой головке номер ноль-девять, хвост не читаю, на уровне плеча хорошая риска от грузовой стропы. Целая.

— Принял. Для этого наверх и полез, — сказал Игорь. — Если видишь табличку без льда, сделай один снимок изнутри. Стекло не трогай.

Августовская бригада записала последние цифры: семь-три. На ноябрьской ведомости тройка замкнулась в восьмёрку. Если там и вправду восьмёрка, придётся запаковать новый комплект и месяц ждать другого.

— Игорь Андреич, тут у нас рука.

Он посмотрел на переднюю панель. Половина батареи, связь хорошая. Показалось, что Денис повредил руку. Передвижение по вышке у здорового человека подчас сразу обнаруживает такие изъяны, с которыми он спокойно ел-пил под крышей и не знал бы их до конца жизни.

— Что с рукой?

— Да не со мной. Вы вон Ксюшу спросите, она детям тут лазать даёт или только взрослым разрешено?

— А сам ты как думаешь? — спросила Ксения прямо у Игорева плеча.

— На заднем усике за старой антенной прилепили варежку. Секунду, вот поближе изнутри гляну. С площадки видно. Красная. Вернее, была красной.

— Не трогай, — сказал Игорь. — Зачем тебе её трогать?

— А я и не могу. Проволокой к антенне прихватили. Медной. Кто-то держал в другом конце рукой и ровно закручивал. Отсюда так не сделаешь.

Площадка еле заметно светлела на краю серого неба, и на её внешней стороне белела маленькая точка. То плечо Дениса выглянуло между прутьями, то втянулось назад. Игорь разжал левую руку. Было неудобно держать её в кармане. Он вынул вторую верхонку, обтёр ею рацию. Всё, что понадобится рассказывать его родным, поместится на пустом месте между этими двумя словами: полез посмотреть. Никакие цифры больше никому не понадобятся. Он собрался с духом и как можно спокойнее сказал:

— Денис, ты мне сейчас только про номер скажи. Для чего поднимались.

— Девятьсот семьдесят три, — сказал Денис. — Снимок есть. И второй сзади, шкаф в сборе. Там у них скоба идёт до самого низа, никому падать не надо, хотите, покажу потом. Ладно, я беру вас на спуск.

Вниз он шёл гораздо дольше. Степан за это время успел устроить стол на перевёрнутой кадке и отрезать от горбушки три ломтя. Денис спрыгнул на землю, поднял хлеб. Оставил в мякише чёрный отпечаток пальца.

— Вот вам табличка. Пойдёмте в тепло, там покажу вторую. Мне бы чего-нибудь настоящего пожрать. Тарелки вчерашней каши четыре. Пробрался туда, а есть так хочется, тронул бы эту сосульку языком.

— А варежка?

— Я её оставил, где взял. Точнее, где не взял. Есть фото. Степан, не убирай обрезки, у нас репортаж «так себе жизнь в Арктике», и вы отлично изображаете человека, которому надоело здесь жить.

— Ты уже спустился? — сказал Степан. — Голос твой слышу снизу, а ты у меня всё ещё болтаешься наверху. У тебя запасной на штатное место подвешен, что ли?

Игорь глянул вверх. Серый клочок неба подплыл к верхней площадке, с монетку света там всё ещё перемещалось. Маленькая дальняя льдинка то загоралась, то пропадала.

В кухне Ксения подстелила газету на стол, отодвинула чашку и раскрыла снимок двумя пальцами. Изображение вышло довольно резкое. Середина площадки тёмная, снаружи за старой антенной белёсая изморозь, а поверх неё очень маленькое глухое пятно пахучего для глаза цвета, как рябиновая кисть, опалённая морозом. Варежку перехватили медной проволокой вокруг запястья. На ладони виднелся вывязанный светлой шерстью глазок. Игорь сперва видел два больших пальца, но когда Ксения отодвинулась вместе с телефоном, второй палец пропал, осталась наледь на обвязке.

— Это она, — сказала хозяйка.

— Кто?

Она приблизила фотку и кончиком чайной ложки указала на плоскую пластину позади рукавицы.

— Это она, старая связь с затоном. Видите, стоит бирка? Я думала, в девяностых уже тут всё старое сняли. Юра говорил, что сняли. По крайней мере, журнал закрыли тридцать лет назад. А у нас всё сохранилось. Смотрите, как ещё запись блестит.

За вылинявшей нитью чёрные буквы поверх зацарапанного алюминия едва читались. Игорь попросил разрешения взять телефон у неё из рук. Ногтем раздвинул, пока не рассыпалось линиями, и прочёл то, что там следовало увидеть. «ЛС. 4625». Не номер сегодняшней линии, к цифровому оборудованию на соседней раме отношения не имело.

— Килогерцы, — сказал он. — Начальство мне из-за этого может голову оторвать, если в опись внесу как часть релейки. У неё на этом диапазоне даже совесть не просыпается. Коротковолновый пост был при станции. Провод наверх шёл, глянь, остаток цепляется за перекладину. Когда свою вышку поставили, антенну старикам на неё и перебросили. Старую связь не закрыли, её учётом прибили. Забыли снять, бывает.

— В помещении приёмник ещё есть, — сказала Ксения. — Можете когда угодно у него спросить, что он по этому поводу думает.

— А днём его посмотреть можно?

— В аппаратной. Полку за ночь настом берёт, остальное сухое. Ключ всегда в двери, чтобы, если эвакуация, не драть стену. Только щётку верните обратно. Я сегодня отдавала её для растопки и пока не знаю, не сожгли ли.

— Не сожгли, — сказал Степан. — Много вы понимаете. Я не дрова загонял ворсом в топку. Сарай им подметал, чтобы вообще к дровам добраться.

Приёмник лежал на столе лицом к стене. Кто-то его разворачивал к себе боком, да так и оставил, не доделав работу. Сверху полукружья от чашек. На пластмассовой ручке настройки запуталась резинка от папки; время растрескало резину, но до конца она не лопнула. Игорь снял её, повернул ящик шкалой к свету. Стекло от левого угла до цифры шесть треснуло знаком разбегающейся птичьей лапы. Приёмную антенну откусили давно, клеммы остались на виду, с сухой зеленью под винтами. Питания тоже не было. Игорь приподнял крышку, увидел дно: батарейный отсек демонтировали, на его месте мышь уложила комки обглоданной бумаги. Посидела да ушла, даже не нагадила. В сетевой вилке отпилили один штырь. За таким хозяйством без нужды никто не следил.

— А тот, которого мы сегодня слышали, это который? — спросил Денис.

— С затоном на рабочей переноске говорили. Вчера, Денис. Ты календарь себе где потерял?

— Может, повтор какой был. Я спал, а рядом кто-то всё говорил: «Синей нет, синей нет». Забористо у вас тут. Об одном мотке шерсти на два дня разговору.

Он поставил приёмник на место. Вся нижняя сторона его ладоней до последней поры покрылась серым. Вытер о брюки, оставил два длинных белёсых мазка. Игорь снял батарейный отсек, обрубки провода и испорченную вилку одним кадром, подложив для отчёта листок с датой.

Новый комплект они проверили на столе. Табличка читалась ясно: девятьсот семьдесят три. Прибор подошёл. Игорь записал результат и впервые за день подумал, что Веркин кукольный дом тоже починит. Нужна там батарейка или провод оторвался, пусть девчонка пришлёт снимок. Он набрал сообщение, нажал «отправить». Пусть пока лежит.

В десятом часу Ксения принесла Игорю ленту. Он лежал на кровати с полотенцем на глазах, спать не хотел, хотел только, чтобы глаза перестали жечь. Сквозь полотенце пленительно и бестолково пахло чужой зубной пастой, пихтовой. Ксения взяла полотенце за кончик и сняла с его лица, как приоткрывают хлеб под чистым кухонным сукном.

— Скажите, у вас в ящиках что-нибудь крутится?

— Сейчас? Ни одной вещи. У меня даже зарядка от рации закончилась.

— Гляньте.

Серая заводская разграфка, лиловая линия. Дата в верхнем углу старая, бумагу использовали второй раз, переворачивали чистым краем к перу, экономя где что осталось. До отметки карандашом линия шла полого, изгибалась едва заметной спинкой и до конца ленты теряла ещё два деления. Давление падало. На последнем сантиметре поверх этого пологого склона шёл частый рисунок: невысокий бугорок, длинный узкий зубец и полукружье поменьше. И снова. И ещё раз. Игорь видел такую развёрнутую картинку только у врача и на коробочках с лекарствами. Самописец, который имел все права нарисовать врасплох пойманную погоду как угодно, тщательно, со всеми мелкими промежутками вычерчивал кардиограмму.

— Когда вы его ускорили?

— Час назад заметила на ленте сплошную полосу. Подключила к датчику переносной регистратор, дала быструю протяжку. Это с него кусок оторвала. А на медленной бумаге так и идёт полоса. А интересно мне, что у вас тут крутится с периодом в восемь десятых секунды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.